

ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

ДМИТРИЙ ДАШКО

ЕВГЕНИЙ ШАДЫШОВ

ИГОРЬ СТИРНОВ

СПАСТИ КОЗЕЛЬСК

«КРЫЛОВ»

Историческая авантюра (Крылов)

Дмитрий Дашко

Спасти Козельск

«Крылов»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84Р144

Дашко Д. Н.

Спасти Козельск / Д. Н. Дашко — «Крылов»,
2016 — (Историческая авантюра (Крылов))

ISBN 978-5-4226-0269-8

Хан Батый назвал этот город «злым». Ещё нигде его войско не встречало столь ожесточённый отпор. Русские витязи отважно бились на крепостных стенах маленького Козельска, защищая его от несметных полчищ кочевников. Семь долгих недель длилась осада. Потом город пал. Ворвавшись в Козельск, завоеватели не пощадили никого, даже грудных детей. И вот появился шанс переиграть тот бой, навсегда изменив привычное русло истории. На помощь далёким предкам отправляется отряд российского спецназа во главе с майором Деминым. Их всего пятеро против десятков тысяч, задание выглядит форменным самоубийством. Однако вместо того чтобы умереть самим, они постараются перебить своих врагов, спасти Козельск и помочь древней Руси.

УДК 821.161.1

ББК 84Р144

ISBN 978-5-4226-0269-8

© Дашко Д. Н., 2016

© Крылов, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дмитрий Дашко, Евгений Шалашов, Игорь Смирнов Спасти Козельск

Огромное спасибо: Владиславу Ильичу Крылову за подаренную идею, Александру Смирнову и Роману Савенкову за информационную и прочую поддержку, Александру Логачёву за советы и наставничество!

Если есть желание пообщаться – приходите на <http://dashko-books.livejournal.com>. Подискутируем!

Дмитрий Дашко, Евгений Шалашов, Игорь Смирнов

© Дашко Д., Шалашов Е., Смирнов И., 2015

© ИК «Крылов», 2016

Пролог

Колокола единственной в городе колокольни били в набат! Пожар! Огонь перекидывался с крыши на крышу и, словно злобный дракон, пожирал соломенные и тесовые кровли, принимаясь за срубы. Деревянные дома пылали как смоляные факелы. Вспыхнул княжеский терем, загорелся храм во имя святых угодников Козьмы и Дамиана, отстроенный еще князем Мстиславом. Рыжий язык, высунувшись из огненной пасти, лизнул деревянный бок колокольни, та тотчас же занялась пламенем, но колокола звонили до тех пор, пока рухнувшая крыша не погребла под собой звонарей...

Город горел, но тушить его было некому. Те, кто мог бы орудовать багром или таскать ведра с водой – либо уже умерли, либо умирали сейчас под ударами татарских сабель. Десятки, а то и сотни кричащих и визжащих людей, в халатах и нелепых малахаях, лезли в бреши, наваливаясь на уцелевших защитников, закалывая их копьями и рубя саблями. Но те умирали не зря – каждый успел прихватить с собой жизнь одного-двух, а то и трех степняков. Даже бабы не оставались в стороне – оттаскивали павших, перевязывали раненых, становились на место убитых, спихивая рожнами наползающих врагов – и так же, как мужчины, умирали... Не плакали и не кричали, чтобы не отвлекать живых.

Оставшиеся в живых немощные старики да малые дети не пытались спастись от огня, понимая, что это отодвинет смерть лишь на полчаса, на час. Никто не стонал и не плакал. Слезы выплаканы давно, а на стоны уже не хватало сил. Умереть бы быстрее, все легче, чем так...

У главных врат обреченного города строились уцелевшие дружинники, составляя «ежа». Строились – сильно сказано. Какой тут ёж, коли осталось не больше сотни избитых и изувеченных ратников? Щиты, за которыми положено укрываться – один на пятерых, а копий – одно на двоих.

Кто-то сумел прийти сам, кто-то приполз, а кого-то приволокли товарищи. Кто не мог стоять прямо – утверждались на коленях, укрепляя телами щиты соратников. Счастливики, умудрившиеся до сих пор стоять на ногах, утаптывали оттаявшую землю, разгоняя лужицы красноватой воды, чтобы не поскользнуться. За спинами горел город, закрывая огнем тыл своих последних защитников. Не было надежды ни на помощь, ни на чудо.

Оставалось лишь одно – умереть. Утешало, что ждать оставалось недолго – железная оголовница тарана уже не раз прошла сквозь дерево, разметая дубовые брусья в щепу. Такими таранами, сработанными умельцами из Сины, татары вышибали стальные ворота Мерва, ломали каменные стены Хорезма, а через полтора с небольшим года они сокрушат в пыль башни Киева!

– Эй, дубинушка ухнем! Эй, ухнем! – затянул вдруг один из дружинников. Вроде бы, ни к месту, но его поддержал другой:

Еще разик, да еще раз!
Разовьем мы березку,
Разовьем мы кудряву!
Ай-да, да ай-да, ай-да, да ай-да,
Разовьем мы кудряву.

А дальше, все, кто мог, дружно затянули припев:

Мы по бережку идем,
Песню солнышку поем.
Ай-да, да ай-да, ай-да, да ай-да,
Песню солнышку поем.

Вместо угрюмой обреченности, на лицах появились улыбки и что-то вроде азартной дерзости – когда знаешь, что всё, конец неминуем, помирать с песней веселее! Расправлялись плечи, в руках появлялась сила, а те, кто уже не мог стоять, поднимались с колен и становились плечом к плечу с остальными. А помереть... Ну, что ж, бессмертных не бывает.

Ворота были высажены и в ощерившийся пролом влетели первые воины – нукеры из личной сотни самого Бури, правнука великого Чингис-хана. В отличие от прочих они имели доспехи, прикрывавшие грудь, стальные хорезмские шлемы, а круглые щиты были не из плетеного ивняка, а из досок, обитых кожей и медью. Десяток таких воинов обращал в бегство сотню половцев, а сотня – тысячу синайцев!

– Хурра! – сотряс воздух боевой клич степняков.

В ответ им защитники отозвались песней:

Эй, дубинушка ухнем!
Эй, ухнем!

Нукеры Бури со всего маха атаковали русский строй, пытаясь пробить брешь, но откатились, как откатывается речная волна, ударив в утес. А откатившись, нахлынули снова.

Русские, отбиваясь от наседавших степняков обломками копий и кусками железа, в которые превратились мечи, уже не пели, а ревели:

– Эй, ухнем!

Еще разик, еще раз!

И уже (откуда только и силы взялись?!) русские дружинники, теряя убитых, начали наступать, выдавливая нукеров обратно, в выбитые ворота уже несуществующего города.

Кое-кто из степняков не выдержал, стал разворачивать коня. И будь защитников чуточку больше, да будь у них силы, да оружие, верно, Бури-хану сегодня пришлось бы вершить суд Ясы: казнить оставшихся в живых за бегство слабодушных. Но Бури не зря носил звание темника. Окрик – и место отошедших нукеров заняли лучники. Взмах руки с зажатым бунчуком – и в уцелевших русских полетели стрелы.

Стальные жала пробивали щиты насквозь, живые тела не спасали и кольчуги. Уже упал последний дружинник, утыканный стрелами, словно сосна иголками, однако степняки продолжали спускать тетивы, посылая стрелу за стрелой, еще и еще раз убивая ненавистных русских, заставивших сотрясателей Вселенной впервые за много лет почувствовать страх!

– Туктал-ырга! – приказал Бури, останавливая воинов.

Хотя непобедимое монгольское войско уже не испытывает недостатка в железе и почти у каждого монгола есть сабля, но все равно, зачем понапрасну тратить стрелы, если все русские мертвы?

Победителей ждало самое главное дело – сбор добычи!

Время сбора добычи – святое время. Пусть городишко мал и выгорел почти дотла, но опытный воин сможет найти поживу даже среди золы и пепла. Топоры, наконечники стрел и копий, обломки мечей и мятые шлемы – все пойдет в дело!

Что-то можно оставить себе, а что-то перепродать многочисленной армии перекупщиков, следующих за войском, словно шакалы-падальщики. Рубахи и штаны, если отстирать от крови и заштопать, еще послужат многочисленным родичам, которые ждут воинов из похода, а меховая шапку, снятая с отрубленной головы, сгодится для подарка невесте.

Павшая вместе с хозяином русская лошадь – настоящий клад для воина. Седло из толстой кожи, уздечка и стремяна! Четыре подковы, из которых можно выковать не один нож!

Плохо только, что слишком мал полон. Из взрослых – лишь увечные старики да старухи. Много детей, но дойдут ли они до степей без родителей?

Не было молодых мужчин, способных стать рабами, не нашлось девок с приятными чреслами. В пепелищах разыскали с десятков баб. Но желающих отведать женской плоти было так много, а баб – так мало, что даже глупцу ясно: эти женщины долго не проживут...

Из-за тел дружинников, одетых в железные рубахи, разгорались споры. Если бы не опытные сотники, дети степей бы уже рубились за право обладать настоящей кольчугой. Яса не позволяет детям степей закрывать спину железом, ибо, храбрецу не нужны доспехи на спине, а из русских железных рубах выкраивались доспехи на трех воинов!

Сотники, построив десятников, делили добычу по-честному – одного дружинника на десяток. А там уж, пусть сами разбираются: по жребию или по старшинству.

Поскольку рабов не было, рядовым воинам приходилось спешиваться, чтобы разбирать окровавленные и изрубленные тела, относить их в сторону, где десятники снимали кольчуги. Сразу же раздались возгласы обиженных – некоторые кольчуги из-за дыр и прорех превратились в железные лохмотья.

К удивлению степняков, среди трупов взрослых мужчин, в луже крови, обнаружилось тело мальчишки лет двенадцати. Был он, как и взрослые дружинники, в кольчуге и шлеме, а плечи его прикрывал заскорузлый багряный плащ. В руке, откинутой в сторону, зажат маленький меч.

– Урусконаз! – радостно загалдели воины.

Ну, а кто же еще, кроме князя, может позволить себе сделать оружие и доспехи по размеру и носить княжеский плащ? Судя по всему – мальчишку укрывали своими телами бояре – старшие дружинники. Они и сейчас, после смерти, словно пытались уберечь юного государя.

Тело русского князя – хорошая добыча! За коназа-бачу – мертвого или живого, сам Бытухан назначил баснословную награду – табун лошадей, русскую кольчугу и пять девственниц! Или же русский шлем, заполненный золотом!

Воины уже предвкушали, как будут делить награду хана, как к ним подскакал десяток верховых, с шапками, украшенными лисьими хвостами – знаком нукеров темника Бури.

– Урусконаз? – радостно осклабился один из всадников. Судя по шелковому халату поверх бараньего тулупа и стальному нагруднику с затейливым китайским драконом – не из простых нукеров. Это был Чжарчиудай, третий сын Бури-хана. После гибели двух старших братьев под стенами Козельска (одного убила летящая стрела, второго зарубили при вылазке) Чжарчиудай стал первым сыном и главным наследником темника, занимающим какое-то место среди многочисленных претендентов на престол Великого хана (не то – четырнадцатый, не то – сорок первый).

Воины, первыми нашедшие добычу, заворчали, словно побитые собаки. Как всегда – сражаться, так им, а почести выпадут недоноскам, вроде сына темника. Это отродье шакала, родившееся у льва, хочет забрать добычу, даже не окровавив саблю!

Но с сыном темника не поспоришь.

Чжарчиудай, словно не веря глазам, соскочил с седла и, пачкая дорогие болгарские сапоги в грязи, подошел к телу мальчишки. Поцокав языком, брезгливо ступил на край кровавой лужи, в которой плавал князь, и принялся выворачивать из мертвой руки дорогую игрушку – детский меч можно подарить отцу или дяде.

Но тут случилось то, что никто не предвидел и не мог предвидеть. Юный князь, коего уже сочли мертвым, внезапно открыл глаза и, ухватив обеими руками шею склонившегося монгола, принялся душить ненавистного врага. Нукеры и воины не сразу и поняли, что тут случилось, а когда поняли и ринулись на выручку, было поздно: Чжарчиудай сумел только что-то прохрипеть, а мальчик-князь в ответ лишь сжал руки крепче. Жгучая ненависть придала невиданные силы умирающему мальчишке, хватка стала железной. К тому же потомка Чингисхана просто ошеломила порыв внезапно ожившего из мертвых уруса, степняк даже не сопротивлялся: стоял словно тряпичная кукла, лишённая воли.

Чтобы освободить шею сына темника, пришлось отрезать пальцы юного князя. Но что толку?

Монголы: и нукеры, и простые воины, издали вопль отчаяния. Не то страшно, что умер сын Бури. У великого воина осталось много сыновей. Но страшно то, что праправнук Чингисхана, правнук Чагатая, внук Мутугена и сын Бури умер так, как казнят изменников – без пролития крови! Даже хуже, чем изменника – как отцеубийцу! Теперь Вечное синее небо не примет душу, вынужденную покинуть тело через задний проход, и Чжарчиудай будет вечно скитаться по степи.

Сердца степняков переполнила священная ярость. Мало того, что они потратили на штурм городка столько же времени, сколько на штурм всех русских городов, вместе взятых, потеряли здесь полтумена, так ещё опозорили род Чингисхана, сделав его потомка изгоем среди мертвых!

Ярость затуманила головы воинов, а иначе князь не умер бы так легко. Можно было бы снять с живого кожу, растянув действо на несколько дней! Или посадить на кол, даровав долгую и мучительную смерть. А так – князя попросту утопили в луже крови, натекающей из тел его ратников.

Но умер он с улыбкой, которая разъярила степняков еще сильнее. Чтобы хоть как-то отомстить за нелепую смерть Чжарчиудая, перебили немногочисленный полон. Старикам ломали хребты, чтобы душа сына Бури не скиталась одна, а нашла себе рабов; старухам резали головы. Детям, что постарше, отрубали руки и ноги, младенцев кидали в огонь. Не пожалели и баб, которыми еще можно было пользоваться – вспороли им животы.

Потом, кидая добычу, монгольское войско спешно уходило подальше от этого проклятого места!

Глава 1

Картинка на огромном 3D-мониторе погасла. И сразу вспыхнул свет, раздвинулись тяжёлые шторы, открывая окно и впуская яркие лучи летнего солнца. Тишина в комнате наступила идеальная, если не считать монотонного гудения кондиционера, к которому все давно привыкли и потому не обращали внимания.

– Собственно, так и закончилась героическая оборона Козельска от полчищ монголов, – резюмировал генерал Песков – высокий холёный мужчина с безукоризненным пробором чуть тронутых сединой русых волос.

Единственный гражданский из всех присутствующих – доктор исторических наук, профессор Алексей Михайлович Свешников, типичный «пиджак» по принятому в армии сленгу (а как же – строем не ходит!) – слегка поморщился.

Будучи профессиональным историком, Алексей Михайлович обожал придирается по мелочам. Хорошо, что удалось приучить его к субординации: ещё месяц назад он бы обязательно встрял с поправкой, дескать, самих монголов у Батыя едва ли насчитывалось пятьдесят процентов от общего количества, основную массу составлял конгломерат из сотен мелких тюркских племён, а потому войско походило на пёстрый восточный ковёр.

Генералу, любившему вникать в тонкости, национальный состав армии кочевников был известен не хуже Свешникова, но ведь есть устоявшиеся выражения! Сказано «монголы» – значит, монголы, зачем плодить сущности?!

Песков обвёл взглядом собравшихся и продолжил:

– Осада длилась семь недель: с марта тысяча двести тридцать восьмого года по май. Всё это время небольшая кучка русичей сражалась с четвертью всего войска Батыя. Город был стёрт с лица земли, защитники перебиты, а Батый в сердцах повелел называть Козельск «Злым градом» – Могу Болгусун. Подвиг защитников стал легендой. Как понимаете, всё вышесказанное напрямую связано с новым заданием. Товарищ майор...

Майор Демин – короткостриженный крепыш – встал, одёргивая китель.

– Слушайте боевую задачу: ваша группа в количестве пяти человек, включая гражданского специалиста товарища Свешникова, отправляется в прошлое: в начало тысяча двести тридцать восьмого года. Цель группы – организовать оборону Козельска, сделать так, чтобы город отбил все приступы и выстоял. Вопросы?

– Вопросов нет, – моментально ответил майор, но его сразу прервал Свешников, который с недоумением произнёс:

– Товарищ генерал, у меня вопрос...

Майор укоризненно посмотрел на учёного, но ничего не сказал: штатский, что с такого возьмёшь! Однако генерал благожелательно кивнул:

– Слушаю, Алексей Михайлович. Что вас интересует?

Свешников поднёс кулак ко рту, кашлянул и продолжил:

– Не понятен смысл операции. Чисто гипотетически: ну отстоим мы Козельск... Что это даст?

Генерал откинулся на спинку кресла:

– Прекрасный вопрос. Ну что же... давайте построим логическую цепочку.

– Давайте-давайте, – радостно потёр руки Свешников, почувствовав себя в родной стихии.

– Алексей Михайлович, вы специалист и владеете всей полнотой информации. На этапе планирования операции мы опирались и на ваши изыскания. Ну, а сейчас попробуем разложить всё по полочкам. Вспомните политическую обстановку в Орде, прикиньте чего бы могла стоить Батыю военная неудача под Козельском.

– Для него всё бы окончилось плохо, – затараторил Свешников. – В Орде постоянная грызня: царевичи-чингизиды бьются за власть с прежней родовой аристократией. Стоит Батыю дать слабину, и всё... он – покойник. Сразу найдутся другие претенденты на Улус Джучи и на должность главнокомандующего – джехангира. Те, кого Батый нагибал, тут же подымут головы. Учитывая особенности степного менталитета, скажу, что пахнет резней, товарищ генерал. Будут резать всех мужчин, доросших до колесной чеки. Нынешнему верховному хану Угэдэю далеко до его отца, Чингизхана. Тот правил железной рукой, даже своего сына Джучи не пожалел: переломал хребет в государственных интересах! Бр-р! – Свешников поёжился. – А этот – бледная тень, слабое подобие великого предка! Не справится Угэдэй, если начнётся заварушка...

– Именно, – согласился Песков. – Будет много крови. Любая неурядица в стане противника сыграет Руси на руку. Глупо рассчитывать, что Орда рассыплется, словно карточный домик, однако есть шанс ввергнуть её в междоусобицу и не хотелось бы его потерять. Чингизиды и «старые» монголы сцепятся друг с другом, им будет не до Руси. А там, глядишь, не станет и трёхсотлетнего ига. Всё просто, Алексей Михайлович.

– Не уверен, товарищ генерал, – мотнул головой Свешников. – Впятером наладить победную оборону маленького городка, на который обрушится удар целого тумена, а это, осмелюсь напомнить, десять тысяч воинов, выглядит красиво, но нереально. В жизни так не бывает. Ну, продержится Козельск нашими стараниями в лучшем случае восемь недель вместо семи... Потом всё равно задавят – Батый, как это и было в реальной истории, пришлёт подкрепления. Наступит кирдык, товарищ генерал, уж простите меня за ненаучный сленг!

Голос Пескова загремел на весь кабинет:

– В этом и заключается цель группы майора Демина! Вы не просто победите монголов, вы нанесёте такой удар, чтобы они ещё двести лет не могли опомниться! Чтобы уцелевшие раз и навсегда запомнили – на Русь им ходить нельзя! Что будет им там не только кирдык, а... Ну, вы поняли. Такая у вас задача, господа офицеры. А каким образом вы ее выполните – это уже технические детали. Атомную бомбу вам не дадут, но все остальное – без ограничений. Ну, почти без ограничений. Ограничения на переносимую массу.

Генерал сбавил тон:

– Простите, товарищи офицеры, увлёкся. Предлагаю вашему вниманию кое-какие выкладки аналитиков. Начнём с главного – внедрение...

Снова вспыхнул монитор. Появились квадратики и ромбики блок-схемы.

Генерал взял электронную указку.

– В настоящее время в Козельске на княжении сидит отрок – князь Василий, которому двенадцать лет¹, и этим всё сказано. Вряд ли он самостоятельно правит городом, скорее всего, пацан – послушная игрушка в чужих руках. Аналитики придерживаются версии: Василий – ширма, за которой скрывается его мать, вдовствующая княгиня Феодосия Игоревна. Женщина неглупая, с которой можно договориться, если привести толковые резоны. Впрочем, не исключено, что у нее есть советник – он же фаворит. Посмотрите, что за зверь такой. Если уровня Потемкина с Орловым, то есть человек дельный – пусть остается. Если типа Меншикова – решайте сами. А если какой-нибудь слизняк, вроде...

Генерал задумался, наморщил лоб. На помощь поспешил Свешников.

– Кто-нибудь вроде Зубова или Зорича.

– Вот-вот, – кивнул генерал. – Что-то в этом духе, без хребта. Тут голову не ломайте: подвиньте его, чтобы не мешался. Ну, на месте разберётесь.

Встав из-за стола и пройдясь по кабинету (усмирив жестом попытавшихся встать офицеров), Песков продолжил:

– Дружина у княжича невелика: максимум полусотня ратников. Большого количества воинов городку вроде Козельска в мирное время не прокормить. Но лишнему «штыку» будут рады, особенно в преддверии неизбежной осады. На этом и строится расчёт: вы, майор, сыграте роль князя Гаврилы Мстиславовича, без вести пропавшего дяди козельского князя. Это «легенда» для внедрения в тринадцатый век, а группа составит костяк вашей дружины.

– С «легендой» понятно, а откуда возьмётся дружина? – непонимающе вскинулся Демин.

– Вы её и соберете. А кто еще?

Демин неопределённо хмыкнул.

– Каким образом, товарищ генерал?

Генерал пояснил:

– Ситуация в областях, прилегающих к Козельску, чем-то напоминает начало Великой Отечественной войны: я имею в виду события лета и осени сорок первого. Так, Алексей Васильевич?

Историк кивнул.

– Монголы захватывают Русь и стремительно рвутся вперёд, оставляя далеко в тылу разгромленные русские отряды. Те растеряны и спасаются бегством, благо тактика монгольского войска зиждется на правиле «золотого моста»: противнику позволяют покинуть поле битвы, попросту удрать. По разным прикидкам речь идёт о четырёх-пяти тысячах профессиональных воинов, которые прорываются из окружения. Они разрознены, у них на плечах висит лёгкая конница монголов, «секущи люди аки траву». Нужно создать центр притяжения, и тогда из

¹ Существует несколько версий относительно возраста князя Василия. По разным источникам это и три года, и двенадцать лет.

этих «окруженцев» вы сформируете свою дружину, чтобы привести её в Козельск. Теперь всё ясно, товарищ майор?

– Так точно, – кивнул Демин, не обращая внимания на традиционную для Свешникова реплику, дескать, гладко было на бумаге... К бурчанию «пиджака» успели привыкнуть как к шуму кондиционера.

– А вам, Алексей Михайлович?

– Как же идея невмешательства? – вскинулся тот.

– А хрен с ней, с идеей. Тем более мы будем вмешиваться не в свое прошлое, а в прошлое параллельного мира. Кто знает. Может, и в наше прошлое кто-то взял да и внес свои коррективы. Могло быть?

– Вполне, – кивнул историк, сам порой недоумевающий – почему вдруг в истории все шло «так», а потом вдруг резко поменялось на «этак». Скажем, как с Крымской войной или Русско-японской. Конечно, найти причины поражений в условиях технической отсталости, а еще лучше – в «гнилости царского режима» можно, но...

– Тогда, товарищи, все свободны, кроме майора Демина.

«А вас, Штирлиц, я попрошу остаться», – мысленно пробурчал Свешников, покидая кабинет. Но вслух произносить не стал – уж слишком часто эту фразу употребляли и к месту, и не к месту, уши режет.

Оставшись наедине с майором, генерал утопил пальцем кнопку селектора:

– Светочка...

– Да, товарищ генерал, – донесся до офицеров нежный голосок.

– У меня к тебе просьба. Будь добра, организуй нам с майором Деминым экспромтик походному на двух персон: коньячок, лимончик... в общем, как обычно.

– Сейчас будет, товарищ генерал.

Через минуту в кабинет, виляя бёдрами фотомодели, вошла личная секретарша генерала, Светлана – роскошная блондинка, предмет зависти всех подчинённых, с которой, как ни странно, у Пескова были исключительно деловые отношения.

В руках она держала поднос с маленькой бутылочкой французского коньяка, двумя стопками, вазочкой с шоколадными конфетами и блюдцем с лимонными дольками, посыпанными кофе и сахаром, источавшими восхитительный, пощипывающий нос аромат.

– Спасибо, Светочка, – искренно поблагодарил Песков. – Можешь идти. И да – ближайšie полчаса меня ни для кого нет.

– Слушаюсь, товарищ генерал, – девушка лукаво стрельнула глазками в сторону Демина, по-военному развернулась на высоченных каблуках и вышла за дверь.

Демин сглотнул, провожая взглядом её качающуюся походку.

– Чего теряешься, майор? – добродушно хохотнул генерал. – Ты теперь холостой, она не замужем. Сделай предложение девке – не пожалеешь. Не видишь разве, как она на тебя смотрит?

– Стар я для неё, товарищ генерал. У нас разница в возрасте лет пятнадцать. Это же другое поколение. Ей курсант нужен или лейтенант молодой, после училища.

– Скажешь тоже – стар! По твоей логике я тогда вообще пень трухлявый, которому на кладбище прогулы ставят.

– Простите, товарищ генерал. Ничего такого я даже в мыслях не имел. К тому же генералы у нас мужчины вне возраста, как кинозвезды...

– Ладно, майор, – усмехнулся генерал. – Проехали. Все равно начальству не умеешь комплименты говорить. Давай-ка лучше коньячок разлей. Мне до краёв и себя не обижай. Только не возомни о себе после сегодняшнего!

– Зря вы так, товарищ генерал. Не в моих правилах.

– Знаю, что не в твоих. Ты правильный офицер, не паркетный шаркун и не чмо беспозвоночное. Коньячок – это так, чтобы разговор прошёл должным образом, а он у нас будет сложным.

– Всё настолько плохо, товарищ генерал?

Песков кивнул.

– Хуже не бывает. Я как очередной отчёт от аналитиков получаю, так не за коньяком, за валерьянкой тянусь.

– Война? – предположил Демин, внимательно наблюдая за реакцией Пескова.

Тот сурово нахмурил брови.

– Да, майор. Война. Настоящая, горячая. Апокалипсис если не сегодня, так завтра точно. Если по-русски – другое слово, произносить не стану.

– А причина какая?

– Да на поверхности всё, майор. У штатов слишком много долгов накопилось, без войны не списать. Ну а мы, включая наши действия в Крыму и на юго-востоке Украины – хороший повод, чтобы развязать третью мировую. Может, сами они и не полезут, но нас втянут. Классика! Нам, конечно, не впервой, только в одиночку не потянем. Раздавят нас. Ну, не полностью, разумеется, а будет как в Крымскую или в Русско-японскую.

Демин, любивший на досуге почитать исторические книги, повел плечами:

– Так там вроде не особо мы и проиграли. Ну, Севастополь отдали, военный флот запретили держать на Черном море. А с японцами – половину Сахалина отдавать пришлось. Все же вернули потом, с лихвой.

– А моральные потери?

– С моральными потерями не поспоришь. Не столь обиден результат поражения, как сам его факт. Не так уж часто Россия проигрывала войны...

– Вот видишь, – усмехнулся генерал. – Ничего хорошего. Даже если выиграем, лет двадцать потом народное хозяйство отстраивать будем. У американцев полмира на побегушках, а у нас всё как в старину: ни одного союзника, кроме армии, флота и ЭрВэСэЭн². Практически – отобьемся. Но чисто теоретически – нам даже пополнение для большой войны брать негде, не говоря уже о продовольствии. Стратегический запас на год есть, а если война дольше продлится? А у американцев в лабораториях уже целая куча разных штаммов: хоть против пшеницы, хоть против ржи. Думаешь, не используют? А желательно бы еще и сырье, и рабочие руки и место, где можно станки ставить. Это в Великую Отечественную за Урал советские заводы эвакуировали, а теперь куда? Нет сейчас мест, куда бы ракеты не достали. Да и людей бы неплохо из зоны боевых действий вывести.

– Значит, наш визит в прошлое...

– Молодец, в правильном направлении копаешь. Собственно, для этого и задумывался весь проект. Ваш визит в прошлое создаст параллельную ветку с другой, более сильной и могучей Россией. Во всяком случае, такие у нас выкладки. Только она придёт нам на помощь. А коли не сможет помочь военным или промышленным способом, то хотя бы территорию предоставит – хоть для эвакуации детей, хоть для перегруппировки. Теперь ты понимаешь, какая ответственность ложится тебе на плечи?

– Понимаю, товарищ генерал. И всё же... другие варианты, кроме войны, вообще не рассматриваются?

– Рассматриваются. Только у нас как: надейся на лучшее, но готовься к худшему. К тому же наш прорыв на другую территорию – это тоже шаг к миру. Если у нас появится потенциально сильный союзник, то и наши... коллеги за океаном три раза репу почешут, прежде чем в войну

² РВСН – ракетные войска стратегического назначения.

ввязываться. Сам понимаешь, удар по америкосам можно и из сопредельного пространства нанести.

– М-да, – покачал головой Демин.

А что он мог сказать? Не с его колокольни обсуждать высокие планы. Впрочем, в этих планах и генерал Песков не слишком высокая фигура. Скорее, передаточное звено.

– Состав группы продумал? Или все те же лица?

– Так точно. Сюрпризов не предвидится. Состав неизменный. Мы достаточно притёрлись друг к другу. Техник – Воднев, снайпер – Павленко. Заместитель – капитан Морошкин. Научное консультирование – Свешников.

– Свешников? Не достал ещё своим брюзжанием?

– Никак нет, товарищ генерал. Ко всему привыкаешь. К тому же второго такого спеца ещё поискать. Коней на переправе менять не принято.

– Тогда удачи, майор!

– Спасибо за пожелание, товарищ генерал! Не подведём.

– Чины-звания обещать? Ну, да сам понимаешь, если все гладко пройдет – будет и грудь в крестах, и все такое прочее, включая звездочки на погоны.

– Примета плохая, – отмахнулся Демин, хотя слова генерала грели душу. Конечно, слово «майор» означает «старший», а «подполковник» – всего лишь недоделанного полковника, но все же, все же, все же...

– Правильно, – кивнул Песков. – Тот, кто делит шкуру неубитого медведя, сам остается без шкуры. Но в бухгалтерии уже приказ лежит – оплату произвести как участникам боевых действий. Аванс вам переведут в ближайшие часы. К сожалению, не в полном объёме (кризис, сами понимаете), но это лучше, чем ничего.

– А нельзя нам товарища профессора на офицерскую должность аттестовать? – поинтересовался Демин, переживавший, что штатский член группы получает зарплату меньше, чем армейский прапорщик.

– Поздно ему, – развел руками генерал. – Было бы нашему выдающемуся уму хотя бы лет тридцать семь, тогда да. А в сорок восемь никто его не аттестует. Надо было профессору раньше в наши ряды вливаться. Ну, я его как-нибудь простимулирую, – пообещал Песков. – Монографию, скажем, через наше издательство пропущу. К ордену его представим. Или к званию заслуженный деятель науки.

Покинув кабинет генерала, Демин на мгновение задержался у сидевшей за компьютером девушки. Она впиалась в экран, словно выискивая там какую-то ошибку. Правая ножка в элегантных туфельках покоилась на левой и ритмично двигалась вверх-вниз, отбивая такт неслышной мелодии.

Майор вытер пот с внезапно вспотевшего лица, полез за носовым платком в карман, но потом передумал, переступил с ноги на ногу. Хотелось кашлянуть, спросить любую глупость («Не подскажете, как пройти к библиотеке?»), просто поговорить, но Демин отогнал желания прочь и пошёл дальше, не чувствуя спиной пронзительный взгляд карих глаз Светланы.

Дверь за майором закрылась, девушка грустно вздохнула и снова начала набирать текст очередного приказа.

«Какой же ты дуболом, Демин! Колода без чувств! Нет, чтобы пригласить в ресторан или просто покатать по городу! – расстроено думала она, пока её наманикюренные пальчики порхали по клавиатуре. – Или просто по улице погулять, если денег жалко. Ведь знаю же, что один одинешенек дома сидишь. Или не один? Не один! Вот зараза!»

Если бы майор хотя бы подозревал, что Светочка была к нему равнодушна, то... А так он думал, что девушка – не его поля ягодка. И возраст опять-таки.

Вечером Демина подвезли домой на служебном «козлике». Машина притормозила возле «свечки» многоэтажки. Проезд был узкий, места для парковки не хватало. Сзади сразу послышалось нетерпеливое бибиканье клаксона.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарил Демин и выбрался из автомобиля.

«Козлик» тут же рванул с места. За ним с характерным для дизельного мотора стрекотом проскочил солидный джип чёрного цвета.

– Красиво жить не запретишь! – вздохнул майор вслед.

Если уж откровенно – задайся Демин целью иметь красивую и дорогую машину, он бы ее имел. По нынешним меркам зарплата офицеров была не так уж и плоха. Но майор еще мыслит прежними мерками. Да и детям помогать нужно.

Демин остановился в раздумье: подниматься в квартиру или сбегать в магазин – в холодильнике было пусто, как на Руси после Мамае.

«Надо же, – ухмыльнулся он. – В роль начинаю входить. О Мамае вспомнил».

Приняв решение, Демин развернулся и направился к светящемуся как новогодняя ёлка гипермаркету. Автоматические двери распахнулись, послышалась лёгкая расслабляющая музыка.

Взяв тележку, покатил её по залу. Остановился у готовых салатов, взял контейнер с греческим (пять минут строгать – но такая лень, тем более если никто не ждёт, даже зверушка), положил колбасную нарезку, хлеб, коробку с однопроцентным кефиром (была у Демина к нему слабость), на десерт ограничился плиткой шоколада, по инерции сняв со стойки любимую марку жены.

«Привычки сильнее нас», – невесело хмыкнул он.

Супруга уже пару лет как стала бывшей. Не всякая выдержит кочевой армейский образ жизни, отдалённые гарнизоны и вечную занятость мужа на службе. Вот и у Демина пару лет назад боевая подруга подала на развод. Все как в песне Трофима: «Жена моя красавица оставила меня. Она была ни в чем не виновата. Ни дома, ни пристанища – какая там семья! Атыбаты...» Впрочем, эта песня подойдет для любого и каждого офицера и почти для любого случая...

Получив развод (майор не стал упираться, понял сразу, что бесполезно) – жена переехала вместе с детьми в Питер. Там жили её родители, которые хоть и без особой радости (Демин им нравился), но приняли у себя дочь, а в прошлом году майор влез в долги, но купил ей квартиру, думая в первую очередь о детях.

Надежды на воссоединение семьи не имелось. Жена была настроена категорично и слышать не желала о примирении. К тому же нашла себе кавалера из зажиточных, планировала выйти за него замуж, звала на свадьбу. На свадьбу к бывшей жене майор, конечно же, не собирався. Ну, ее дело пригласить. А его дело отказаться. На том и расчёт строился.

Теперь майора радовало одно: благодаря службе скучать было некогда.

Теперь бы еще фрукты-овощи прихватить. Подъехав к овощному отделу, майор скривился: фасованных пакетов почему-то не было, нужно самому отбирать помидоры-яблоки, потом взвешивать. Представив, как он, офицер Вооруженных сил России, копается в коробках, решил обойтись без овощей. Но раз врачи рекомендуют сбалансированное питание, с обязательным включением в рацион овощей, прихватил с полки баночку маринованных огурцов.

Он подъехал к кассе, возле которой образовалась небольшая очередь: толстая тётка лет пятидесяти в розовой молодёжной куртке не по возрасту, мужчина с багровым лицом выпивохи и стройная, похожая на учительницу женщина в очках. Цепкий взгляд быстро скользнул на правую руку «учительницы». Интуиция не подвела – обручального кольца не было...

Женщина почувствовала на себе взгляд, обернулась и с затаённой тоской посмотрела на Демина. Тот улыбнулся, пристально посмотрел ей в глаза и сделал шаг навстречу...

Женщинам всегда нравились военные. И совсем не обязательно полковники.

Глава 2

Старший лейтенант Воднев тоже возвращался домой поздним вечером. Он сутки провел на дежурстве по парку и теперь с предвкушением ждал тот момент, когда сможет упасть на кровать и провалиться в сон.

Настроение было хорошим. Дежурство прошло спокойно, без происшествий. Сменявший его капитан не придирался по пустякам, отпустил быстро. Впереди обещанный отпуск, в который обещали отправить всю группу. Павленко, тот уже взял отгулы и умотал на рыбалку.

Мысли Воднева вернулись к родителям. Можно махнуть к ним, отец обещал знатную охоту и не менее знатную баню. Места там дикие, природа первозданная. Покой, тишина...

Из тёмной подворотни послышался громкий женский крик, быстро оборвавшийся на самой высокой ноте.

Воднев машинально огляделся. Улица словно вымерла. Единственный прохожий – это он. Факт не из приятных.

Кидаться сломя голову не в его правилах. Кто знает, что ждёт за углом. Может, таким способом заманивают потенциальную жертву? Понесёшься на крик, ничего не соображая, словно угорелый, а тебя раз – и по башке! Надо бы поступить так, как принято в «цивилизованных» странах – позвонить в полицию и с чистой совестью идти спать. Или сделать вид, что ничего не слышал, повернуться и уйти... Вот только одно «но». Не в его правилах. Совесть не позволит. Принципы, вбитые в голову родительскими наставлениями. Офицерская честь, в конце концов!

Пистолета с собой нет, вот что плохо. Сейчас бы он ой как пригодился! Без всякого доброго слова...

Надо что-то делать. Девушка действительно кричала, он не ослышался. И вряд ли кричала от радости. Интуиция подсказала, что её грабят, а то, может, и вовсе – насилуют.

Время позднее, народ до утра на улицу нос не высунет. Прячутся как тараканы. Окна зашторены, двери на замок.

– Ну, Воднев, твои действия? Будем девушку спасать? – спросил сам себя старший лейтенант и тут же дал ответ: – Будем!

Форму жаль, конечно: испачкается, порвётся, но что поделаешь. Её постирать и заштопать можно. А вот с человеком, случись что, такой кунштюк не пройдёт.

Он нырнул за угол, упал, перекатился, спиной прочувствовал все выпуклости и впадины разбитого асфальта, моментально вскочил на ноги, за доли секунды оценив обстановку.

Их было двое: крепкие накачанные ребята, сразу видно, что занятия в спортзале не прогуливают. И лица вполне одухотворённые, совсем не смахивающие на расхожий образ физиономии гопника из газет и телевидения.

Что же вас, таких умных, интеллигентных, на приключения потянуло?

Один удерживал жертву (девушка лет восемнадцати, симпатичная, одетая довольно стильно, не «Пьер Карден», конечно, но и не китайский ноу-нейм), стоя за спиной, зажав рот. Второй копался в выпотрошенной дамской сумочке (не козам – сразу видно). В глаза бросился дорогой смартфон последней «яблочной» модели с широченным экраном, какие-то дамские безделушки, цветастая банковская карточка и кошелек.

На появление Воднева грабители отреагировали спокойно, будто и не было его. С абсолютным сократовским спокойствием продолжили своё чёрное дело. Лишь глаза девушки на секунду наполнились надеждой, но тут же сменили выражение на испуганно-обречённое.

«До такой степени борзые?» – мысленно удивился Воднев.

– Эй, ниндзя драный! – окликнул его тот, что копался в сумочке. – Валил бы отсюда подобру-поздорову! Целей будешь.

«Заметили, стало быть... Вот и чудненько, а то получается, зря тут акробатические трюки исполнял».

Воднев распрямился. Так и есть, форменные брюки изгваздал, как поросёнок.

– Встречное предложение, пацаны! Извиняетесь перед девушкой, возвращаете её барахлишко, я делаю вид, что не видел ничего, и мы расходимся как в море корабли. Договорились?

– Не-а, – снова отозвался парень, копавшийся в сумочке. – Вариант не канает. Не хотел я сегодня руки пачкать, да видать – не судьба. Мафания, – обратился он к подельнику, – сделай мадемуазель не очень приятно. Тут кое-кто на урок напрашивается.

Вместо ответа Мафания довольно заржал и резко ударил по голове девушки. Она опустилась безвольным кулом к его ногам.

Мафания спокойно переступил распростёртое тело жертвы и шагнул к Водневу. В руке бандита блеснуло лезвие.

– Тебя как: просто порезать или художественно расписать? – незлобиво поинтересовался он и сразу отработанным движением выкинул руку с ножом вперёд.

Вместо того, чтобы отшатнуться, Воднев, предугадав движение бандита, чуть согнулся, надавив грудью на его сжатый кулак, и тут же провёл болевой приём, заставив противника выронить нож. Удар коленом в живот, затем локтем сверху по голове. Грабитель превратился в безвольную куклу и осел.

– Минус один.

Подельник даже испугаться не успел, как Воднев оказался возле него и коронным боковым в челюсть просто размазал по кирпичной стенке.

– Минус два.

Ещё через секунду офицер склонился над лежавшей девушкой, нащупал пульс и удовлетворённо вздохнул: потерпевшая была жива и лежала без сознания.

Сзади вспыхнул ослепительный свет и послышался скрип тормозов. Из полицейского «уазика» выскочили трое, на ходу передёргивая затворы автоматов.

– Ребята, вы чего?! – удивился Воднев. – Я девушке помогал...

Но его не слушали («В отделении разберёмся»), крутили руки, запихивали в автомобиль, а сержант «пэпээсник» в рацию вызывал «Скорую».

При желании, старлей бы разделал всех троих «ментов» (ну, не «копов» же?) как бог черепаху, им бы и автоматы не помогли, но не стал. Действительно, у мужиков своя работа...

Телефон завибрировал и исторг мелодию «You're A Woman» от Bad Boys Blue, когда встреченная в супермаркете и окрещённая «учительницей» Лиза (она и в самом деле преподавала черчение в колледже) утомлённо спала на плече Демина. Ночь выдалась горячей, хорошенько измотала обоих любовников (вот и сходил в магазин... за хлебушком!).

Он протянул руку в темноту, нащупал пластиковый, холодный на ощупь корпус мобильного и, приставив к уху, коротко бросил:

– Демин.

Потом долго слушал сбивчивую речь дежурного по части, хмурился и в конце разразился не менее коротким:

– Выезжаю.

Демин щелкнул выключателем ночника, комнату залил жёлтый свет, стал торопливо искать вещи. Блин, куда трусы подевались? Ну, Лиза, ну даёт!

Женщина привстала на кровати.

– Что-то произошло?

– Да. Это по службе. Моего бойца менты арестовали. Надо выручать. Ты не волнуйся, спи.

– Как скажешь. Ты надолго?

Одеяло съехало вниз, открывая весьма соблазнительный вид.

Демин машинально сглотнул.

– Надеюсь, что нет. Если что – в прихожей второй комплект ключей. Можешь воспользоваться.

– Хочешь, я тебе кофе сварю?

Хм... когда и углядела-то, что у меня кофеварка есть? Мы ж на кухне меньше минуты задержались, некогда потом было...

– Спасибо, солнышко! Не надо. Ты меня лучше кофейком с утра встреть.

– Я ведь такая, – она с вызовом вскинула подбородок. – Встречу!

– Вот и чудненько!

Он быстро собрался, поцеловал её и ушёл. Вот уж у кого меньше всего проблем должно было быть с полицией, так это у Воднева! А тут на тебе – сурпрыз! Только бы менты артачиться не стали! Не то генерала просить придётся. Неудобно получится, особенно перед заданием...

На другой день группа собралась в кабинете у Свешникова. Не было только Демина. Майор предупредил, что задержится у генерала.

Покуда ждали, занимались кто во что горазд. Свешников пялился в картинки на ноутбуке, остальные слушали балагурившего по своей привычке Дениса Павленко.

– Вчера ещё рыбачил, – вздохнул он. – Река, тишина, покой и тут на тебе! На самом интересном месте!

Он с досадой добавил:

– Вот такая рыбина была – не шучу. Ещё чуть-чуть и поймал бы! – Денис развел руки, демонстрируя какой, по его мнению, была шука. – А теперь...

– Почти двадцать один килограмм, – усмехнулся Воднев.

Его, ходившего под парусом с отцом к Соловецким островам, трудно было удивить рыбацкой байкой.

– Ну, не двадцать один килограмм, – праведно возмутился Павленко, – меньше. Немногим меньше. Но, чует моё сердце, ещё пару дней...

Дверь отворилась. Вошел Демин. Ничего не сказал, на товарищей даже не взглянул. Опустился на свободный стул.

– Не получилось, – проговорил майор. – Не срослось хотя бы пару деньков отдыха выбить. Ни в какую не желает генерал идти навстречу! Я уж к нему и так, и этак. Извини, Денис, даже твою непойманную рыбу сулил. Какую ты там должен был выловить?

Старлей вновь развел руки.

– Рыба типа «Русалка», – скрыв усмешку, произнёс Демин, зная вкусы подчинённого. – Жаль, конечно, но ничего: думаю, успеешь в прошлом наловить.

– В прошлом ещё неизвестно, – заметил Павленко. – Там традиционно нам не рады. У меня сложилось впечатление, что опять надолго зависнуть придется. Я правильно понимаю, командир?

– Всё верно за одним исключением.

– Каким, тащ майор?

– Не опять, а снова.

– Велика разница, – хмыкнул Павленко, а потом, повернувшись к Водневу, спросил:

– Ну как, расскажешь теперь, как тебя менты замели и как ты ночь в кутузке провёл, покуда тебя товарищ майор не отмазал?

– Так чего тут рассказывать, – хмыкнул Игорь. – Задержали, подержали, отпустили...

По законам жанра, задержанного старшего лейтенанта Воднева должны были доставить в отделение милиции (тьфу ты, полиции) и уже там «прессовать». Для начала поместить в «обезьянник», сиречь крошечную комнатку с решетками (проще говоря – клетку), обыскать, изъять документы и деньги вкуче со шнурками и нательным крестиком. Забегая вперед ска-

жем, что деньги должны были таинственным образом исчезнуть. А потом оперативники, дыша перегаром, должны были выкручивать задержанному руки, напяливать на голову противогаз, грозить всеми карами небесными, выбивая из него признание: как, мол, он, сукин кот, напал на девушку, избил ее и ее спутников. А для приличия – пытаться навесить на Воднева еще с десяток «глухарей». Для полного счастья должно еще оказаться, что злодеи, они же потерпевшие, являются детками высокопоставленной особы (не то местного депутата, не то – криминального авторитета).

А дальше старший лейтенант должен был выйти из себя, нокаутировать всех оперов (штук пять, не меньше) и, высадив головой оконное стекло вместе с решеткой, выпрыгнуть с третьего этажа и податься в бег. И бегать он должен не меньше недели, скрываясь в полупрушенных гаражах, недостроенных зданиях, попутно сбивая из рогатки полицейские вертолеты, обманывая служебно-розыскных собак, а уж мочить ментов он должен был пачками. Ну, а потом к нему явится седой и подтянутый генерал, который выручит его из загребущих лап полиции и отправит выполнять задание.

Классный сценарий? Правда, что-то напоминает, но это неважно. Другое дело, что ничего этого не произошло.

Воднева, разумеется, доставили в отдел полиции и поместили в клетку, но дальше события развивались по иному сценарию. Выяснив, что задержанный – офицер Российской армии, оперативник (вполне интеллигентный молодой человек, которому наряд ППС «скинул» намечающееся дело) усиленно зачесал репу и позвал на помощь дежурного следователя.

Выслушав обстоятельный рассказ Воднева (оперативник был рад такому «клиенту» – почаше бы так излагали), начали чесать репу вместе. Если задержанный старлей и на самом деле является «злодеем» (есть такой сугубо полицейский термин, позволяющий обойти понятие «преступник», которым, как известно, человека может признать лишь суд), то вполне чистенькое и раскрытое дело уходило в ведение военной комендатуры, а из него – в ведение военной прокуратуры. Потому что задержать военнослужащего полиция имеет право. А вот дальше они обязаны передать его в распоряжение славной армии. Ну, не подсуден военнослужащий Российской армии Министерству внутренних дел, что тут поделывать?! Не верите? Читайте «Закон о полиции». И что это значит? А это значит, что такое «вкусное» и уже практически раскрытое дело уйдет в другое ведомство, а родная полиция (читай – опер и следователь) не получит за это ни шиша. Ни благодарности в приказе, ни премии.

Другое дело, если старший лейтенант Воднев, выполняя свой гражданский долг, пришел на помощь несчастной девушке (она же – потерпевшая), сделал замечание злоумышленникам, на которые они не отреагировали, а потом, ввиду численного превосходства «злодеев», не пожелавших подчиниться законному требованию добропорядочного гражданина, вынужденно применил методы удержания правонарушителей (хотелось верить, что выживут!).

Что будут иметь славные органы правопорядка в этом случае? Правильно. Будут иметь раскрытое дело, проходящее по их же ведомству, где есть потерпевшая, задержанные злоумышленники и свидетель...

А действия товарища старшего лейтенанта можно обратить и во благо: вчинить «злодеям» кроме грабежа, нанесения телесных повреждений (каких именно, будет ясно потом, когда врач осмотрит девушку, а судмедэксперт составит заключение) еще и злостное хулиганство, так как они оказывали сопротивление гражданину, пытавшемуся предотвратить их преступный замысел. Таким образом, в деле будет аж три эпизода!

Далее всё до банального просто: чем больше раскрытых эпизодов, тем больше «палок» в отчетности и тем красивее статистика!

И задерживать старшего лейтенанта нет смысла. Если ситуация изменится, то все равно никуда не денется. Главное, чтобы на допросы вовремя приходил. Стало быть, остается простая

формальность – отыскать непосредственного начальника старлея и передать одного офицера руководству. То бишь майору Демину.

Глава 3

На подготовку, как водится, выделили традиционный месяц. Меньше – нельзя, а больше – нет смысла.

Демин погонял парней в спортзале: требовалось убрать накопившийся жирок, восстановить навыки владения холодным оружием. Работали серьёзно, с участием штатных инструкторов и спецов как крайне узкого, так и весьма широкого профиля, лучших из тех, кто внушал доверие и кого удалось привлечь.

По совету многомудрого Свешникова, подкрепленного приказом генерала, товарищи офицеры перестали бриться. Для Демина и всех остальных это было как нож в сердце, или серпом по одному месту.

Даже Дениска в бытность свою снайпером предпочитал регулярно бриться, чтобы девок щетиной не колоть, что уж тут говорить о прочих? Но деваться некуда. Не поймут предки безбородых мужиков. В те времена бритье бороды свидетельствовало об отклонении от общепринятого стандарта, кое не приветствовалось не только на Руси, но и в Европе. Это сегодня гей-парады приравнены к свободомыслию и прогрессивности, а в те времена можно было и на костер угодить.

За месяц настоящая борода не вырастет, но хотя бы обозначится приличная щетина, как у боевиков. Лучше, чем ничего.

Группа заново училась орудовать мечом, копьём, кистенём, палицей. Как полагается: в полном доспехе, с выкладкой.

Денис Павленко – двухметровый красавец-здоровяк – балагурил:

– Эх, коротка кольчужка!

Старый, еще черно-белый фильм «Александр Невский» смотрели все, и потому повторы Дениса быстро приелись. Но с другой стороны – на богатырскую фигуру Павленко, и правда, было трудно подобрать соответствующее облачение. Умельцам пришлось изрядно попотеть, подгоняя доспехи, но оно того стоило. В таких доспехах не страшно выходить против немецких рыцарей, не то, что против легкой кавалерии.

– Экий ты однако, Дениска, варвар... Конан... – Когда с экипировкой было закончено, Свешников уставился на Павленко сквозь неподвижный, немигающий прищур.

– А что я? – ухмыльнулся в ответ Денис.

Однако недоумение на его по-детски сияющей физиономии промелькнуло.

– Тебе бы в кино сниматься, в Голливуде! – пояснил Свешников. – А ты в простых «сапогах» пропадаешь!

– Да ну его, кино это! – отмахнулся Денис. – Туда одних педиков берут!

При этих словах заржали все присутствовавшие.

Случилась в недавнем прошлом Дениса одна история: прогуливался он как-то по набережной в поисках очередной пассии из педагогического университета, расположенного неподалёку. Никого не трогал, поедая сливочное мороженное, до которого был сам не свой, зыркал по сторонам. И тут подкатил к нему мужик в лиловом берете, как выяснилось – ассистент режиссёра, снимавшего многосерийное кино на тему «хруста французских булок».

«Берету» приглянулась фактурная внешность старлея Павленко: высокий, атлетически сложенный голубоглазый шатен. Киношник сходу взял скукавшего парня в обработку. Сперва насулил золотых гор, потом выдвинул условия: мол, все эти тридцать три счастья легко получить, пройдя через постель не самым традиционным образом ориентированных режиссёра и его ассистента.

Денис дослушивать «заманчивые» предложения не стал, приподнял «лилового берета» за поясной ремень и перекинул через парапет набережной напрямик в холодную речную воду. С той поры Павленко зарёкся ходить в кинотеатры, даже девушек своих не водил.

Никто никогда б не поверил, что штатная должность у этого весельчака и балагура весьма специфичная: был он снайпером, принимавшим участие во многих «зачистках» на Северном Кавказе, а на груди уже не оставалось места для медалей. За его голову объявили серьёзную награду, что стало одной из причин, по которым Песков забрал старшего лейтенанта к себе.

С лёгкой руки Свешникова за парнем закрепилось прозвище «Дениска-варвар», по-другому его уже не звали, а сам Павленко с лихой непосредственностью оправдывал прилепившуюся кличку: в поединках молотил по щитам противников так, что у тех руки сушило, а на татами плющил, словно прокатный стан заготовку. В полную силу ему мог противостоять лишь Воднев с его поморской твердостью.

Но с верховой ездой у «варвара» сладились не сразу. Падений было не счесть. Чудом Дениска-варвар не переломал себе все кости. Лошади его боялись и норовили сбросить. Спасла природная упёртость: если Павленко за что-то брался, то доводил до конца. Скоро он сидел в седле не хуже ковбоя. Чемпионом родео ему не стать, но пасти скот – очень даже получится. А большего ему и не надо...

По вечерам Свешников устраивал обширные исторические экскурсии: рисовал запутанные диаграммы княжеских родов; разъяснял, как и перед кем нужно шапку ломать; растолковывал местные обычаи, в которых тесно переплелись христианские и языческие традиции. Особенное внимание историк обращал на необходимость крестить лоб, если ты проходишь мимо храма, а также на то, чтобы при общении с людьми не тянуть к ним пятерню, как это принято у нас.

Не появились еще на Руси обычаи пожимать друг другу руки и появятся еще не скоро, в веке так в девятнадцатом. Покамест нужно усвоить, что есть легкий поклон – по сути, кивок. Это при встрече с равным. Поясной – при встрече с вышестоящим или уважаемым человеком, а земной поклон нужно отвешивать только в церкви, если стоишь перед иконой.

Лупить лбом об пол – сиречь, бить челом, как показывают в фильмах про царей – не принято и не будет принято никогда. Царь или князь – он не такой дурак, чтобы принять на свой счет то, что положено только Господу. В этом отношении при феодализме строго: крестьянину – крестьянское, кесарю – кесарево, Богу – богово. Сделаешь меньше – обида, а сделаешь больше – тяжкий грех.

Когда было непонятно, его засыпали вопросами:

– А разговаривать-то мы с аборигенами как будем? На «ой ты, гой-еси, добры молодцы» далеко не уедешь!

– Да примерно как сейчас между собой разговариваете! Устная речь за восемь столетий поменялась, это процесс неизбежный, но изменения не столь уж критичные. И вас поймут, и вы поймете, а если нет – переспросите. Немец или француз, попавший в свое прошлое – тот с предками не договорится, а мы запросто.

– А как же летописи? Там чтобы знакомое слово отыскать – нужно постараться...

– Не путайте устную речь и письменную. Последней всегда была свойственна вычурность. Я бы сказал – сакральность. Денис, не надо лыбиться. Что означает слово «сакральность», посмотришь в Википедии. Поверьте, никто столь тяжеловесно изъясняться не будет. В быту всё коротко и просто. А кое-какой списочек наиболее употребляемых и при этом новых для вас слов я набросал. Его придётся выучить, тут уж ничего не поделаешь. Но поверьте – их не больше, чем неправильных глаголов в английском языке, так что всё терпимо, товарищи офицеры. Но лучше – молчите первое время, вживайтесь в среду, а потом все получится.

– Молчи – так и за умного сойдешь! – не удержался Дениска-варвар.

– Особенно тот, кто по девкам любит бегать, – хмыкнул Свешников.

– А чё сразу я, – деланно возмутился Денис.

– А то, что начнешь ты за красавицами ухаживать, как положено в двадцать первом веке, так они не поймут.

Господа офицеры дружно заржали, удивив Свешникова. В отличие от историка, коллеги знали, что Дениска способен завлечь женщину в постель, обходясь лишь вздохами и взглядами. Что же, кобель он и есть кобель, хоть в шкуре, хоть при погонах... Да и погоны Дениска мог бы носить «погуще», если бы не его любвеобильность. Кому бы еще пришло в голову закрутить роман сразу и с мамой, и с дочерью? Мало кому, особенно, если учесть, что одна была женой командира дивизии, а вторая, соответственно, дочерью. Но самое удивительное, что и первая, и вторая знали об общем любовнике, но не возражали. Групповух, правда, не устраивали. Предпочитали встречаться с Дениской в разных местах: дочка в офицерском общежитии, а мама – дома, в собственной спальне. Может, если бы наоборот, все было бы лучше, а Денис стал бы генеральским зятем. И все были бы довольны: и генерал, и мама с дочкой. Но вмешался случай... Комдиву взбрело в голову вернуться домой раньше времени. Что именно он увидел, можно только догадываться. Дениске пришлось уносить ноги, а генерал после бурного разговора с женой пообещал отстрелить нахальному старлею его «хозяйство».

Скандал удалось погасить, а Дениса перевести в другую часть.

Офицерский состав посмеивался над обманутым мужем, вслух сочувствовал Дениске, но втихомолку многие жалели, что генерал не отстрелил «ходоку» мужское достоинство. Стоило бы... Но уж раз не отстрелил, то офицеры предпочитали держать своих жен и дочерей подальше от «варвара», а непосредственное начальство старалось почаще отправлять парня в опасные командировки. Ежели убьют, то можно и наградить посмертно...

Глава 4

Крайний понедельник перед отправкой по традиции прошёл во владениях старшего прапорщика Марченко. Несмотря на малый, с лёгкой руки несознательных элементов – анекдотический чин, должность Роман Михайлович занимал серьёзную: отвечал за материально-техническое снабжение группы и ведал оружейкой.

Некогда представительный мужчина, с годами слегка обрюзгший, он вполне потянул бы на роль голливудского злодея и не только в дорэмбовские, дотерминаторские времена, когда американские киношники ещё не додумались до использования тупых «качков»; нет, и сейчас его вислые, запорожские усы, крутая бритая башка, несоразмерно длинные, как у гориллы, ручищи вполне ложились в образ врага Америки и американского образа жизни.

Ну а то, что изъяснялся старший прапорщик с заметным хохляцким акцентом... Что тут напишешь, такие нюансы жителям оклахомщины или алабамщины не оценить – для этого надобен наш человек.

Вот и сейчас «наши люди», то есть группа майора Демина в полном составе, сидели в актовом зале, оформленном по-военному аскетично: никаких мягких кресел – жёсткие, ещё советских времён деревянные сиденья, дешёвенькие портьеры на окнах. Единственным украшением сцены был портрет Президента и Главнокомандующего да нетерпеливо переминающийся с ноги на ногу Марченко. Последний великолепнейшим образом сознавал, что уступает каждому из слушателей в звании, даже штатскому Свешникову. Ведь подишь ты, целый профессор и доктор исторических наук – «дохтур», как Марченко предпочитал произносить это слово, нарочно коверкая великий и могучий русский язык.

Но мало, очень мало было на свете вещей, которые могли бы смутить старшего прапорщика Марченко, ибо цену Роман Михайлович себе знал.

Да, тут всё асы да спецы! Но куда они без Марченко? Кто они без Марченко? То-то! И отношения к себе требовал надлежащего!

Собственно, все в группе знали его как облупленного; во всяком случае, догадывались, чего можно ожидать. Даже «шпак» Свешников знал. И сейчас они с нескрываемым любопытством присматривались к неуклюжим, практически медвежьим манипуляциям оружейника на сцене. А тот был не лыком шит и намеревался ошеломить аудиторию.

Они думают, Марченко – дуб в португее и станет, небось, рассказывать что-нибудь типа: «Автомат сделан из железа, а пистолет из того же материалу...»

На-кося выкуси! Старший прапорщик с помощью сына-третьеклассника освоил «Пауэр Пойнт» и планировал устроить презентацию по всем правилам.

– Сегодня, товарищи, – загудел прапорщик сипловатым басом, вероятно, полагая, что говорит вполголоса, а на самом деле так, что эхо отскакивало от стен, – я познакомлю вас с теми техническими новинками, с которыми вам предстоит работать во время текущего задания...

На экране появился первый слайд – как всегда, почему-то полуслепой, недостаточно яркий, хотя в зале вырубили освещение. Марченко ловко направил на изображение луч лазерной указки, которую, оказывается, всё это время зажимал в громадном кулачище.

– Перед вами автомат...

Демин с трудом удержал каменное лицо, а вот Павленко расплылся в улыбке, и это не прошло мимо прапорщика. Тот кисло поморщился:

– Ну, с таким вооружением вы уже знакомы... Не будем терять времени...

Помощник Марченко – белобрысый ефрейтор-контрактник, сидевший за спинами слушателей, сменил картинку. На экране опять был хорошо знакомый «инструмент» – теперь уже пулемёт...

Публика откровенно развеселилась. Не сумел сдержаться от ухмылки суровый и строгий в обычных обстоятельствах техник группы – старлей Воднев. Происходил он из потомственных кержаков, а те умели держать отпрысков в ежовых рукавицах, прививая с малых лет серьёзное отношение к жизни. Просто удивительно, как Воднев сумел стать закадычным приятелем для Павленко, двух настолько разных людей ещё стоило поискать.

– Пасюк, давай сразу снегоход! – Марченко повысил голос, да так, что на столе помощника что-то забренчало, впрочем, не исключено, что сам солдат от окрика сделал неловкое движение.

Как бы то ни было, картинка появилась нужная.

– Снегоход «Уран-3», – пробубнил Марченко. – Потому что сделан на Урале и только в трёх экземплярах...

При этих словах Свешников заёрзал на месте и заскрипел зубами: сделан на Урале! Конечно, на Урале – потому что знаменитый на всю планету Нижнетагильский вагоностроительный завод. Но называется машина так потому, что какой-то умник решил: снегоходы «Буран» у нас уже были, а вот снегохода «Уран»... И это известно даже мальчишкам, лазающим по вооруженческим сайтам в Интернете.

– Только в трёх экземплярах, – повторил прапорщик почти с угрозой.

Шебуршание среди слушателей он прекрасно уловил, но, конечно, не унизился до того, чтобы делать этим «дохтурам» замечания. Сейчас не понимают, после поймут... Когда жизнь выплёт горяченьких!

– На ём и поедете. Элементы корпуса выполнены из кевлара. Выдерживает прямое попадание пули танкового пулемета ПКТ... Однако на практике проверять «крепкость» не рекомендую!

Насупив брови, он медленно обвел слушателей взглядом, как бы говоря: знаю я вас, чертей!

Общее молчание нарушил Демин:

– Михалыч, если рассчитываешь на то, что мы этот снегоход потом тебе вернём, то жестоко ошибаешься! Чего не будет, того не будет. Готовь акт на списание сразу.

Марченко шумно засопел, но пререкаться с командиром группы не стал.

Второй час инструктажа был более практическим. Перешли в смежное помещение – огромный гулкий зал без окон с расставленными в ряд столами, на которых были выложены образцы стрелкового оружия. В дальнем конце зала стоял снегоход.

Марченко собирался отдельно рассказывать про каждый представленный предмет, избрав для начала АК сотовой модификации, но Демин прервал его мягким движением руки.

– Роман Михалыч, что ты как в первый раз! Пусть парни посмотрят сами, кому что интересно...

– Рази ж я против: нехай хлопцы резвятся... – буркнул Марченко.

Игорь Воднев направился было к снегоходу, но детально осматривать не стал. Быстро обошёл вокруг, проведя рукой над штурвалом, словно удостоверяясь в существовании машины, задумался.

Тактико-технические характеристики «Урана» были ему известны. На снегоходе применили дизель новейшей разработки. Малошумный, однако форсированный. Многотопливный, он мог потреблять любую жижу, лишь бы горела. А коли даже той не будет – не беда, конструкторы поставили газогенератор: так что агрегат мог чадить на обычных дровах.

Рулевые лыжи, случись оттепель и распутица, легко и быстро заменялись широкими колёсами. За собой «Уран-3» играючи тянул санный поезд с несколькими тоннами полезного груза.

Павленко толкнул приятеля плечом:

– Нравится? Тебе этим «корогазом» управлять.

– Нравится, – кивнул Воднев. – А больше всего нравится, что на заводе этих «керосинок» всего три штуки наклепали. У нас только так работать умеют, поштучно, а на поток один брак гонят.

Он вернулся к столам, прогулялся вдоль ряда. Скривившись от досады, шагнул к Демину, крутившему в руках портативный гранатомёт.

– Товарищ майор, беспилотника не вижу!

– Как ты говоришь? – переспросил Демин, с удвоенным вниманием рассматривая прицельное устройство гранатомёта. – Беспилотника? – сказал он безучастно, словно речь шла о том, что отсутствовали образцы полевых фляжек и котелков, полагающихся бойцам в предстоящем походе.

И тут же, подняв голову, хорошо поставленным командирским голосом рявкнул:

– Марченко!

– Йа-я! – по-уставному залихватски отозвался оружейщик.

Обращение майора разбудило в нём давным-давно дремавшие инстинкты курсанта школы прапорщиков.

– Головка от...дизельного двигателя, – вспомнил Демин неуставную присказку. – Где беспилотник, товарищ прапорщик? – Он нарочито упустил приставку «старший». – Опять «пролюбили»?

– Никак нет. По приказу генерала Пескова беспилотник «Кречет» в количестве одна штука будет выдан перед отправкой группы на задание... – То ли от досады, то ли от волнения у Марченко сбилось дыхание и усилился украинский акцент.

– А проверить? А погонять? А если там крылья кривые? – вскинулся Воднев, по разумению которого мелочей не бывает и если что-то заранее не проверить, это обязательно выйдет боком.

– Товарищ старший прапорщик, приказываю обеспечить старшему лейтенанту Водневу полный доступ к беспилотному аппарату. С генералом этот вопрос мы порешаем.

– Вы сначала порешайте, товарищ майор, а потом ко мне обращайтесь, – хитро прищурился Марченко. – А заодно с ним и акты на списание обсудите.

Демин сплюнул и продолжил изучать гранатомет.

Выдачу снаряжения проводил всё тот же старший прапорщик Марченко, с росписями в толстенных амбарных книгах чуть не за каждый запасной рожок. За «снарягу» покрупнее расписывался лично Демин. В том числе и за наконец-то представший их взорам беспилотник с терминалом управления.

Дело происходило в очередном ангаре, к которым группа успела привыкнуть. Только это был необычный ангар. Во-первых, крупнее предыдущих, с более высоким потолком. Во-вторых, добрую его половину занимало внушительного вида устройство, вроде высокой и длинной тёмной скобы, способной пропустить через арку, образованную с полом, строй солдат в колонну по три, а то и по четыре.

Скобу опутывали кабеля разного цвета и сечения, самые толстые уходили к электрическим щиткам по обе стороны ангара, а шнуры потоньше тянулись к терминалам, установленным на отдалении.

Вокруг сновала целая орава штатских в одинаковых, зловеще смотревшихся красных комбезах... Суeta объяснялась просто: портал готовили к переходу.

Техники «шаманили», обсуждали загадочные «градиенты», казалось, ещё немного и заведут вокруг скобы песни с бубнами и завыванием.

После того, как с крохобором товарищем старшим прапорщиком Марченко дела были покончены, порядком измотанный Демин построил группу, молча её оглядел и отдал команду «по местам».

Воднев занял водительское сидение, майор сел за его спиной, остальные расположились на контейнерах в санях, прицепленных к «Урану».

Мотор зарычал неожиданно резко и гулко.

Павленко восхищённо покачал головой:

– Это даже не трактор, это – «Боинг-семьсот сорок семь» на взлёте!

Диспетчер портала дал добро, санный поезд тронулся и медленно покати́л вперёд.

Снега в ангаре не было, но до скобы портала и внутри неё на пол бросили гладкую дорожку, что-то вроде пластикового льда.

Переход прошёл обыденно и просто. Все в группе, и особенно водитель, настолько были поглощены неторопливым и очень шумным перемещением вперёд, что не поняли, как оказались внутри скобы, под тёмной аркой которой воздух успел налиться опасной, электрически искрившейся синевой.

И всё: исчезла синева, пропал гулкий ангар...

Глава 5

«Уран» с мягким урчанием тащил за собой сани по очень белому, плотному снегу, а вокруг простиралось поле, неширокое, потому что со всех сторон белую прогалину окружал тёмный зимний лес. Нависшее небо было тоже зимним: выгоревшим и белесым.

– Стой! – скомандовал Демин.

Воднев остановил снегоход, не глуша мотор.

А Свешников неожиданно протянул с тоской в голосе:

– Эх!.. Если бы не эта тарахтелка...

– Ты чего? – недоуменно уставился на него Павленко.

– Знаешь, какая в этом мире тишина?! – досадливо бросил Свешников.

– Тишина?! – Денис не мог взять в толк эти охи и ахи.

– Да что с тебя взять! Одно слово, варвар... – и Свешников вытянул губы, будто собирався сплюнуть на снег. Но в последний момент удержался и проглотил слюну.

– Действуй, Игорь, – бросил майор негромко.

Воднев шустро выпрыгнул из-за штурвала и, подскочив к саням, молча махнул вертящему головой по сторонам Денису рукой: мол, поднимайся с контейнера, чего расселся!

Павленко мог обидеться, но не стал – намечалось что-то интересное.

Аккурат под его пятой точкой лежал контейнер с беспилотником. Всем вспомнилось, как засопел Марченко, когда этот контейнер, только что принятый Деминым из рук оружейщика после доброй полудюжины росписей в ведомостях и книгах, Воднев принялся укладывать в сани столь трепетными движениями, словно это был набор столового хрусталя.

«Ну и цацкаетесь же вы, товарищ старшой лейтенант! – ядовито сипел Марченко. – Помните, что маршал Жуков говорил? Чай войсковой! От лишнего толчка не рассыплется!»

Но Игорь слов маршала помнить не мог, поскольку родился спустя много лет после его кончины. Оттого, наверно, и предпочитал «цацкаться» с аппаратом.

Отбежав десятка на два шагов, расставил пусковую треногу. Убедившись, что опоры устойчиво вошли в плотный, будто спрессованный снег, кинулся к саням. Всё бегом!

– Помочь? – вызвался Денис, с сочувствием наблюдая за метаниями друга.

– Сам справлюсь, – буркнул Игорь, доставая беспилотник, который походил на гипертрофированную авиамодель.

Запуск прошёл гладко, как в учебнике. Сухо треснул стартовый пиропатрон, в одно мгновение дрон зашвырнуло высоко в небо. Но головы задрали только четверо из пятёрки – Игорь смотрел на дисплеи пульта, а руки держал на джойстике управления.

Поняв ошибку, остальные тоже вперили взоры в экраны. Первым, конечно, Демин, командир, за ним его заместитель капитан Морошкин. Всё, как положено, по субординации...

Воднев молчал, другие тоже. Все пятеро в тёмных, лёгких и удивительно тёплых, совсем невоенных штанах и куртках. И не подумаешь, что с кевларовой подбивкой... В том числе и шапочки...

Кевлар! Который ещё предстоит проверить на «крепкость», ядри его!

«Ну что, видно, чё-нить?» – чуть было не вырвалось у Павленко, однако он сдержался. В ответ непременно бы посоветовали: «На экраны-то гляди...» А он туда и смотрел.

Один из дисплеев был разделён пополам линией горизонта: верхнюю часть занимало неяркое, белесое, кажущееся застывшим небо, ниже – земля.

Неспешно напознали на зрителя отличающиеся только цветом пятна: белые, серые и чёрные – заснеженные поля, кустарники, лес.

На другом дисплее, поначалу вообще девственно чёрном, из левого нижнего угла росла зелёная дуга, распространяя вокруг себя мутноватую, неряшливую и очень невразумительную

цветную заливку. Впрочем, и здесь краски были небогатые, по сути, те же, что и на первом экране: блекло-белая, серая, чёрная.

Понятно, что дуга – траектория полёта беспилотника, а пятна вокруг – те же самые, что только что проползли на первом экране.

Одна из камер дрона сканировала местность внизу; картинка выводилась не сразу, её обрабатывал компьютер, возможно, чуть-чуть «домысливал» – для связности.

«На первый взгляд, ничего сложного. Но я бы сейчас точно куда-нибудь забурился, – подумал Денис. – Вот у Игорька – опыт! Надо будет попрактиковаться...»

– Вот, кажется, то, что надо! – выпалил Игорь чересчур радостно. Хотя понять его можно...

Демин и Морошкин прильнули к экрану.

– Да, похоже на дорогу... – согласился майор. – Туда и будем выдвигаться.

– Это русло реки, – пояснил молчавший дотоле Свешников. – Зимой их обычно использовали как дороги.

Майор повернулся к Водневу:

– За сколько доберёмся?

– Полчаса за глаза хватит, – прикинул тот.

– Тогда по коням.

Игорь старательно прокладывал маршрут, опасаясь угробить машину или перевернуться. Подсознательно он ожидал от техники любого фортеля – ничего идеального на свете не бывает.

Но обходилось, «Уран» катил уверенно и споро. Плотно урчал мотор, сжигая литры горючего. Особой экономичностью движок не отличался: ставка делалась на «всеядность», надёжность и мощь.

Привольно развалившись в санях, Денис меланхолично грыз зубочистку с ментоловым кончиком и безмятежно щурился. На коленях у него лежал пулемёт «Печенег» – так, на всякий случай.

«Кречет» по-прежнему кружил в небе, обзоревав округу. За дисплеем теперь следил капитан Морошкин. Его глаза не пропускали ни одной детали, но пока ничего тревожного или опасного обнаружить не могли, что вызывало у капитана внутренний зуд. Морошкина смущало, когда всё шло плавно, без сучка и задоринки. Мысленно он всегда настраивался на то, что расслабляться нельзя, особенно, если ты на задании и одному Богу известно, что может ждать за новым поворотом. Такой подход не раз спасал его в ситуациях, которые могли показаться безнадёжными. И сам выходил, и товарищей выручал. Не всех, к сожалению...

Свешникову тоже хотелось оказаться полезным, он до боли в пальцах сжимал «калаш», напряжённо вглядываясь в кажущуюся сплошным тёмным пятном стену леса.

Воднев в расчётах не ошибся: до речки добрались примерно за полчаса. «Поезд» тщательно замаскировали, получился естественный такой сугробик, ничем не приметный на фоне других. Дрон посадили, дозаправили и запустили снова.

Ждать пришлось долго. «Кречет» нарезал в небе, наверно, уже пятнадцатый круг, когда в объектив наконец-то попало то, ради чего группа припёрлась к этой дороге – разъезд монголов: с полудюжину всадников, трусящих на жилистых низкорослых коняжках, ведущих за собой с полудюжину же более рослых, статных коней и... И чуть больше десятка пеших, движущихся гуськом, связанных общей верёвкой людей – совсем как на картинке в учебнике истории.

Понурые головы, безжизненный, измученный шаг (что больше домывлялось, нежели было видно с такого расстояния)... Пленные!

– Сколько до них? – спросил Демин.

Воднев бросил взгляд на монитор.

– Километра три. При такой скорости будут здесь через полчаса... – голос Игоря внезапно дрогнул.

– Боишься? – Демина вопросительно приподнял правую бровь.

– Нет, товарищ майор. За пленных переживаю. Свои ведь... предки, хоть и из боковой реальности.

– А! Тогда понятно! – успокоено кивнул Демин.

Перед боем он старался выбросить всё лишнее из головы, включая жалость. Голова должна оставаться холодной. Стоит поддаться секундной слабости и всё, операция провалена.

Кочевники внимания на парящего дрона не обращали. Птица и птица... мало ли всяких, несмотря на зиму. Летит себе, хлеба-соли не просит. Хотя подними кто-то из всадников голову, может, и уловил бы странности в полёте. Но пока везло, не было степнякам никакого дела до русского неба.

Мохнатые лошадки неторопливо трусили (чего гнать, коли есть богатый полон?).

Демину не нравилась беспечность кочевников, слишком уверенно те чувствовали себя на чужой земле, никого и ничего не боялись. Вдобавок всего шестеро, что наводило на мысли: где-то недалеко рыскает отряд покрупней, иначе бы настолько борзеть дети степей не стали.

Свешников остался прикрывать Воднева (тот по-прежнему сидел за пультом дрона), остальные двинулись ближе к дороге. Залегли в кустах, на пригорке, удобном для стрельбы. У Демина и Морошкина были арбалеты; Павленко, избавившись от «печенег» (пулемёт для усиления оставили Свешникову), взялся за бесшумный «винторез».

Через полчаса из-за деревьев, там, где дорога делала изгиб, показались два головных всадника. Острый запах конского пота, сырмятных кож, из которых изготавливали примитивные доспехи, достиг лежавших в засаде бойцов раньше, чем заунывная, точно повизгивание ножовки, песня, которую тянул себе под нос головной монгол.

– Свешникова нет... – хмыкнул Морошкин. – А то бы перевёл, может, шедевр...

Демин предостерегающе поднял руку. Затем так же молча распределил цели. Караван полностью вытянулся из-за изгиба дороги; оставалось только подождать, когда всадники выйдут на линию огня.

Положили татар двумя бесшумными залпами. Те даже сообразить не успели, откуда прилетела смерть, больно быстро всё произошло. Стрелять старались сразу наверняка, но кое-кто из кочевников ещё конвульсивно дёргался, цепляясь за стремительно вытекавшую из тела жизнь.

Цепочка узников остановилась, вести дальше их было некому. На поднявшихся из снега бойцов смотрели с вялым удивлением, очевидно, толком не понимая, что произошло. А может, чересчур устали, чтобы в полной мере осознать избавление от плена.

На крестьян никто из попавших в полон не походил: с первого взгляда было ясно – ратный труд им не в диковинку, а что касается плена, так воинское счастье переменчиво и не всегда зависит от умения сражаться.

Павленко меж тем, не дожидаясь команды, уже резал на русичах пути. Кое-кто от чрезмерной усталости упал, но не навзничь, а на колени, продолжая смотреть на незнакомцев. Большинство осталось на ногах, растирая запястья, перетянутые веревками и с жадностью посматривая на оружие убитых врагов.

Майор еще раз внимательно глянул на освобожденных. Перед ним были не мужики от сохи – тут и к бабке не ходи! Неважно, что в рванье, а половина вообще босы (блин, как они выдержали дорогу?! Босиком по снежочку – тут любого моржа кондратий хватит, а эти почти ничего. Привычные?). Слава богу, за двадцать лет службы Демин насмотрелся на профессиональных солдат. И плевать, что в тринадцатом веке слова «солдат» еще не было. «Пиджак», он «пиджаком» и останется, одень его хоть в бронежилет, хоть в кольчугу. Зато воин любой эпохи выдаст себя и статью, и глазами.

– Ну, и чего стоим? – нарочито небрежно обронил Демин.

– А что делать-то? – вскинул голову один из ратников.

– Сотник? – наугад спросил Демин, едва сдержавшись, чтобы не брякнуть: «Ротный?»

Что-то в этом ратнике было этакое начальственное. Но именно что на уровне младшего офицера. Комбат, а уж тем паче командир полка, держался бы иначе.

– Сотник Ракша, в святом крещении Федор, – доложился воин, слегка выпятив грудь и склонившись до пояса.

– Значится так, сотник, – раздумчиво приказал Демин, удерживаясь от желания гавкнуть: «Доложить по форме!». – Назначаешься временным... («Твою мать, чуть не ляпнул – командиром отделения! Ну, не взводным же, если тут... да, ровно дюжина бойцов») десятником. Как народу станет больше – опять сотником станешь. Собрать оружие, барахло какое-нить, провизию. Вопросы?

Ракша-Федор мотнул бородой и принялся раздавать указания. А Демин, наблюдая за тем, как ратники (они же предки!), позабыв об усталости, споро раздевают-разувают монголов (в школьном учебнике, помнится, их звали монголо-татары), принялся размышлять, много ли он допустил в своей речи слов, непонятных для людей прошлого. Или, как говорил им на лекции Свешников – «анахронизмов». Барахло, может, уже и было, а вот провизия...

Майор вздохнул, мысленно выматерился и решил, что больше на тему «анахронизмов» заморачиваться не станет. Как говорит Павленко – «фильтровать базар» и задумываться над каждым словом, так проще немой стать.

Пока воины тринадцатого столетия вооружались и прибарахлялись, по ходу дела добивая тех, кто еще подавал признаки жизни, к Демину подтянулись солдаты века двадцать первого. Все, кроме Свешникова, оставленного на «хозяйстве».

– Игорь, что там, на горизонте? – посмотрел командир на Воднева.

– Все нормально, товарищ майор... виноват, князь. Горизонт чист километров на десять. Дальше птичку запускать не рискнул.

– Десять... – прикинул командир, на всякий случай показав Игорю кулак. (Договорились же, что будут его именовать князем!) – Даже если противник движется в нашу сторону, к нам они подойдут... Часа полтора, так?

– Два, – уточнил Воднев. – По льду галопом не заскачешь.

– Хорошо, – кивнул Демин. – Ну, где боевое пополнение?

«Пополнение» между тем добило раненых, слегка приделось (чужие шмотки пахли противно, но все лучше, чем ничего), а главное – прибулось и теперь потрошило у татар седельные сумки, вытаскивая съестное.

«Надо будет на первом же привале ноги у бойцов посмотреть», – сделал себе командир зарубку на память. Но переведя взгляд на Морощкина, зарубку убрал – не забудет «замполит» основную профессию и обязательно осмотрит ноги у всех. Как простые ратники воспримут боярина, лезущего смотреть заскорузлые ноги – другой вопрос. Главное, чтобы бойцы были здоровыми. С остальным как-нибудь разберёмся, хотя портачить нельзя, сейчас решается многое.

Демин и его люди не были контразведчиками, тем более разведчиками, но они прекрасно знали, что самый сложный этап в их работе прогрессора с навыками диверсанта – легендирование. Даже Антон из «Трудно быть богом» Стругацких (он же незабвенный дон Румата Эсторский) выдавал себя за некоего дворянина из империи. Впрочем, при серьезной проверке выяснилось, что подлинный дон Румата давным-давно умер и пребывает в фамильном склепе. Антону крупно повезло, что противники не стали ломать ему руки-ноги, потому как сами опасались неведомого. А если бы дон Рэба отправил подозрительного дворянина в подвал?

Сегодня группа входила в первый контакт с настоящими (тьфу ты, а они сами-то что, игрушечные?!) людьми той эпохи. Впрочем, никто не ставил задачу полного внедрения. Повесят, не поверят... Да хрен-то с ним! В конце концов, человек верит тому, во что хочет верить!

Ратники собрали трупы в ряд, отловили коней и ждали новых указаний. Ни один не кинулся на еду, а ведь изголодались люди! Лишь сотник подошел к майору и спросил:

– Что дале делать?

– А сам-то как думаешь? – поинтересовался Демин.

– Воевать буду, – повел тот плечами. – Что ж еще? Вам спасибо, добрые люди, за подмогу!

– Сочтёмся. Монголы следом идут?

– Идут, – кивнул Ракша.

Потом помялся, собираясь с духом, и спросил:

– Как обращаться к тебе, воевода? Боярин, небось?

– Князь, – скупо отозвался Демин.

Кивнув на подчиненных, добавил:

– А это – бояре мои.

– Бояре?! – радостно вскинулся Ракша. – Так мы щас всех, кто следом идет, тут на льду и оставим. Там следом не боле двух сотен. Перебьем да в лес!

– Кхм... – сурово кашлянул Демин.

– Прости, князь! – сразу же потупился Ракша. – Без спросу голос подал, да еще и советы даю. Просто сил уже нет, гонят нас, как зайцев, а мы токмо пятками сверкаем! Думал, вот щас с гриднями твоими вместе и встанем! Нам бы поесть чуток да отдохнуть...

Майору стало неловко перед ратником. О чем должен подумать человек, наткнувшийся на князя с тремя (Свешникова он не видел) боярами – старшими дружинниками? Да о том, что где-то находится еще человек триста дружины!

Оправдываться или что-то объяснять Демин не хотел. Где это видано, чтобы старший командир отчитывался перед младшим? Поинтересовался, насупив брови:

– Вы чьи будете?

– Князя рязанского ратники, – потупив голову, сообщил Ракша. – С той поры, как его татары в полон взяли, мы и мыкаемся. Нас поначалу тоже взяли, да сбегли мы. Вот, ходим теперь от городу к городу, воюем. К Козельску шли, да сморило дорогой. Караульный, тетеря такая, прости господи, заснул, а нас в арканы и взяли.

«Как бишь, рязанского князя-то звали? – попытался вспомнить Демин, но не смог. – Ладно, Свешникова спрошу».

Он сурово взглянул на Ракшу:

– Ко мне служить пойдете? Сразу скажу – дружины у меня пока нет, но скоро будет.

– Пойдем, – без колебаний ответил сотник за себя и за своих товарищей. – Руту сейчас давать?

Что такое рута, Демин не знал. Прикинув, пришёл к выводу: нынешний аналог присяги. А что еще мог отдать голый как сокол воин?

– Потом, – отмахнулся Демин. – Сейчас такая задача: трупы спрятать, коней в повод – и в лес, укромное место сыскать. Найдем такое?

– Так тут любое место укромное, – встрял Воднев. – Только из русла выбраться.

– Хорошо. Боярин Андрей, – подозвал командир Морошкина, – старшим будешь. Берешь народ, увозите трупы, вводите коней в лесок. Обустроишь временный лагерь. Обед приготовьте. Да что тебе объяснять! А мы тут побудем. Услышишь шум и взрывы – скажешь, гроза зимняя.

– Понял, – кивнул капитан. – Трупы маскировать?

– Не нужно. Так, снежком присыпьте, чтобы сразу в глаза не бросалось.

Морошкин увел ратников в лес. Те, выяснив от сотника-десятника, что жизнь вроде как налаживается, повеселели. Когда появляется хоть какая-то определённости, становится легче.

Демин спросил, обращаясь к Павленко и Водневу:

– Что, орелики, возьмем две сотни монголо-татар?

– В четыре ствола? – хмыкнул Денис.

– В три. Морошкину есть чем заняться, а историк наш пусть в обозе будет, обстановку отслеживает.

– В три не возьмем, – помотал головой Воднев. – Две сотни – многовато. Массой задавят. Хотя... Если чуток заминировать, да с обеих сторон из подствольников, а потом...

– Товарищ майор, а на хрена это нам вообще нужно?! – поинтересовался Павленко. – Может, ну их пока... Нехай живут монголы до другого подходящего случая! А мы куда народу поднаберем, кого-нить да обучим. Из «калаша» стрелять и зайца научить можно.

– Пока «зайцев» нет, придется своими силами обходиться. А если мы тут не две сотни, а хотя бы сотню, ладно – полсотни прищучим, под Козельск их поменьше придет.

– Оружие надо добывать, барахло какое-нибудь, – хозяйственно добавил Воднев. – Народ, что по лесам сидит, небось, все сабли-мечи подрастерял. Лошади да еще харч какой-никакой нужны.

– Так я разве против, товарищ князь? – не то оговорился, не то сдохмил Павленко. – Щас, парочку зарядов заложу, устроим им небольшую Ледовую битву.

Глава 6

Залог любого боя – разведка. Двести монголо-татар – это не двести боевиков, но все-таки сила. А против трех, пусть даже с самым современным оружием – силища!

Перво-наперво запустили «птичку», чтобы выбрать оптимальное место для засады. Оно нашлось, хоть и не сразу – заглубленный участок реки, длиной с километр, где берега, увенчанные снежными шапками, создали настоящее ущелье, непреодолимое конницей. Будь на то время и силы, Демин поставил бы на берега людей, «вооружил» бы камнями и снежными глыбами. Свешников как-то рассказывал, что так болгары перебили целое войско византийцев. Запустили в ущелье – и тодысь их камушками... А в юности майор зачитывался польским писателем Казимижем Тетмайером и запомнил, как польские разбойники шведов били. Но там дело было в Татрах, в Карпатах, да и людей у Яносика Недзе Литмановского (ихнего атамана) побольше было. Ну, коли нет, нужно рассчитывать на собственные силы.

Ничего глобально нового майор не планировал. Тактика обустройства засад появилась едва ли не в каменном веке. А может, именно тогда, в те времена, когда первобытные охотники охотились на стада диких зверей: отсекаются пути отхода, а потом методично выбиваются те, кто в центре.

Павленко, пытая, как паровоз, мурлыкал под нос какую-то хохляцкую песенку. Он выдалбливал лунки (эх, инструмент рыбацкий прихватить не догадались! Как ледобур бы сейчас пригодился!), закладывая фугасы, начиненные болтами и дюбелями (Марченко в свое время не мог понять – на хрена отряду понадобились железяки, но вякать не стал, а одолжил у прапора, заведующего складом стройматериалов, килограммов пять металлоизделий из «неликвида». Верно, еще что-то и поимел с этой «операции»).

Сегодня четыре килограмма из пяти пошли на «начинку». Один оставили в «резерве ставки», а «на потом» рассчитывали брать из отходов местных кузниц.

Старлей справился с задачей на «ять». Разве было так, чтобы он не справился? Да еще и так тщательно замаскировал битым льдом и снегом места «закладок», что обнаружить заряды теперь не смогла бы и ооновская собака, а не то, что кочевники из далекого прошлого.

Теперь следовало «озадачить» Свешникова. Кабинетный ученый будет не только контролировать пространство, но и нажимать кнопку радиоуправления зарядами. Как нажимать и когда, доктору наук разъяснили, но... было опасение, что в ученом проснется гуманист, жалевший слезу ребенка, не говоря уже о двух сотнях татар. Нажмет на кнопку – молодец, прошел проверку на «вшивость»? Нет... Хреново, конечно, но не вешаться же из-за «мягкотелого» историка?!

Тогда нужен запасной вариант. Потому в руках Павленко было еще и дублирующее устройство. (Имелась у майора такая привычка – всегда старался просчитать любые варианты событий, потому и держал что-нибудь в «зачатке». Павленко, знакомый с командиром не первый год и побывавший с ним в разных переделках, иногда нарочито громко вздыхал и говорил: «Командир, и кто у нас после этого хохол?»)

Потянулись долгие минуты ожидания, складывающиеся в еще более долгие часы.

Но вот уже не только Свешников на мониторе, но и тройка, замаскированная под снежные сугробы, смогла увидеть черное тело конной колонны. Монголы ехали скученно, что упрощало задачу.

Двести верховых с заводными лошадьми – не так уж и мало, и растянулись они вдоль реки изрядно. Вот первые уже подошли к фугасу и остановились, о чем-то разговаривая. Увидели пятна крови?

Демин занервничал и уже был готов кивнуть Павленко, как раздался два мощных взрыва: в голове и в хвосте колонны.

Что произошло дальше напоминало избиение младенцев – три выстрела из подствольных гранатометов, гвалт, обуявший кочевников ужас... А потом... потом в три автоматных ствола, меняя рожки, Демин, Павленко и Воднев лупили по татарам, барахтающихся в ледяной каше.

Спасть было нереально. Те, кто пытался бежать, либо натыкались на трупы убитых коней и людей, либо проваливались под лед.

– Прекратить огонь! – скомандовал Демин.

Посмотрев на бойцов, попытался улыбнуться, но получилось плохо. Настоящего боя не было, потому никакого азарта, только пустота.

Будь майор почувствительней, непременно «стравил» бы в кусты: картинка перед ними предстала ещё та, хуже, чем в разделочной мясника. Однако за службу повидал всякого, хотя, чего греха таить, разик подкатил к горлу неприятный ком, оставив после себя противное послевкусие, которое майор перебил пластиком жевательной резинки – и плевать на аутентичность! Особенно после того, что они здесь натворили!

Его команда испытывала схожие чувства, но держалась молодцом!

Лишь Игорек сделал то, от чего майор едва не выпал в осадок – выматерился так, что даже Павленко посмотрел на друга с уважением! В каких только передрягах они не бывали, но чтобы потомок поморских староверов ругался матом – такого им видеть ещё не приходилось! Но что делать, если обычных слов не хватает?

«Войнушка», развязанная тройкой прогрессоров, не могла остаться незамеченной в импровизированном лагере. Звуки в зимнем лесу долетали даже до самых укромных уголков.

Ракша и его люди с недоумением вслушивались в хлопки взрывов, странный треск, кое-кто рвался, чтобы разобраться и помочь. Морошкину приходилось силком возвращать энтузиастов: доброе слово помогало слабо, а вот чувствительные тычки – те да, способствовали!

Трофейные лошади дрожали мелкой дрожью, опасливо пряли ушами, будь у них возможность, давно бы унеслись прочь от страшных звуков, но об этом позаботились заранее. Морошкин понимал, что за средствами передвижения всегда нужен глаз да глаз, вне зависимости от эпохи, и заранее озадачил «новобранцев».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.